

Тётя Лю в гневе хлопнула её два раза:

— Если бы не ваши вечные подстрекательства и сплетни, разве стал бы молодой господин ссориться с господином? Ещё раз посмеете болтать — не спрашивая разрешения ваших родителей, отправим всех обратно в Рыбацкий переулок заниматься блудом!

И добавила:

— Господин пошёл в кабинет, не так ли? Во второй половине дня ни одна не смейте приближаться. Чай и воду я буду подавать сама. Неужели думаете, что господин обезумел и возьмёт вас в наложницы? Поглядите на себя в зеркало!

Весь этот день служанки не смели приблизиться ни на шаг. Цзинь Шиань, не будучи настоящим молодым господином, не имел прислуги, но и не чувствовал ничего необычного. Он ворочался на коротком диване в кабинете, очень хотел пойти поговорить с Бай Лушэном, но не знал, с чего начать разговор.

Он уставился на подоконник, где в журавлиной фарфоровой вазе стоял изящный и чистый букет белых хризантем, и вдруг вспомнил слова Бай Лушэна: «Служанки любят лениться, если не поставят османтус, не уснут». Он задумался: у изголовья его кровати в спальне действительно не было османтуса, стояли большие хризантемы, зелёные хризантемы. Выходит, служанки и правда ленятся. И кто знает, правду ли говорила Цуйэр.

Но он предпочёл бы верить, что это правда, или, вернее, он надеялся, что это правда.

Генеральный директор Цзинь порывлся в своей скудной школьной библиотеке и вспомнил роман, который читал много лет назад, — лёгкое чтиво, где главный герой быстро добивался успеха. В той книге первая героиня была точной копией девушки, в которую герой был влюблён в прошлом. Мало того, она ещё и обладала особым даром, помогала герою во всём и была его золотым ключом к успеху.

Цзинь Шиань размышлял и пришёл к выводу, что все попаданцы следуют одному шаблону: тебе обязательно дадут какой-нибудь бонус. Он сам в детстве не учился как следует, поэтому Бай Лушэн, который был так же бел, как тополь, вполне мог оказаться его предопределённым бонусом. Посудите сами: знаменитая певица из Циньхуай, народный артист, уже в юном возрасте собрал армию преданных фанатов, готовых убивать ради него. К тому же он настоящий герой — спасает падших и днём и ночью, их взгляды на жизнь полностью совпадают.

Чем больше он думал, тем больше убеждался, что Бай Лушэн — хороший, надёжный человек, почти что судьба. Помнится, тот герой из романа прилагал титанические усилия, чтобы поднять расположение героини, а тут Бай Лушэн уже с ног до головы предан этому господину Цзиню — даже расположение повышать не надо. Разве это не бонус?

...Вот только одно его беспокоило: он выдаёт себя за другого и обманывает чужую преданность. Ему хотелось всё рассказать, но он боялся, что Лушэн тут же возненавидит его. Он мялся и колебался, мучился целый день, пока не уснул.

И снова ему приснился сон.

Этот сон он запомнил на много лет, потому что он был прекрасен. Сон происходил не днём, а ночью. В чёрной ночи расстилалось море цветов, и он шёл по ним, ступая среди благоухания, словно в океане ароматов. Дойдя до конца цветочной тропы, он увидел Бай Лушэна.

Лушэн стоял в лунном свете, изящный и стройный. Изогнутая луна озаряла его. Да, это был не тот знакомый, которого он знал раньше, но странным образом в нём чувствовалось что-то родное и близкое.

Цзинь Шиань знал, что это сон, но сердце его наполняла невыразимая радость. В этот момент он не чувствовал ни страха, ни неловкости от того, что это мужчина, — только восхищение. Бай Лушэн мягко сказал:

— Я считал тебя храбрецом, а ты тут один льёшь слёзы.

Цзинь Шиань провёл рукой по лицу — и правда, всё мокро от слёз, будто он и вправду плакал. Ему стало стыдно, он принялся вытирать лицо, приговаривая:

— Не выдумывай.

Лушэн улыбнулся и взял его за руку:

— Вечно ты смеёшься надо мной, что я плакса, а сегодня и мне пришлось тебя утешать.

Цзинь Шиань вспомнил свои прежние слова и решил поддразнить его:

— Говорить — говори, а зачем руку тянешь?

Лушэн не обиделся, только посмотрел на него с улыбкой:

— Ты боишься, что один не справишься, что все вокруг будут строить козни, что ты один не будешь знать, как быть. Так ведь?

— ...Да.

— Я с тобой, — Лушэн сделал два шага к нему, поднял своё чистое лицо. — Вдвоём мы ничего не боимся. Только... только если ты не станешь меня презирать.

Как я могу тебя презирать?

Цзинь Шиань не понимал, почему тот вдруг решил излить душу, но в груди у него внезапно поднялась волна отваги. В присутствии красавицы геройская удаль — это физиологический инстинкт. Во сне Бай Лушэн уже не был ни бледным, ни слабым — он был истинной красавицей, способной затмить луну и цветы. Цзинь Шиань, как и любой мужчина, считал себя

непризнанным героем. Что с того, что он один? Друзей можно найти, дорогу прощупать. Отвага бурлила в его груди, он не знал, что сказать, только держал Лушэна за руку и глупо улыбался, чуть ли не до ушей.

Он улыбался всё радостнее, как вдруг услышал голос откуда-то сверху:

— Хорошо тебе, да? Даже во сне смеёшься.

Цзинь Шиань вздрогнул.

Солнце уже давно село, и непонятно, почему до сих пор никто не позвал его ужинать. В голове у него внезапно прояснилось, будто он осознал что-то важное, что никак не мог уловить раньше. Он хотел повернуться и посмотреть в окно, но чья-то тонкая рука зажала ему рот.

Опустив взгляд, он увидел: надо же, к горлу приставлены блестящие ножницы.

Человек сзади зажимал ему рот, а ножницы придвинулись ещё на пару цуней:

— Не смей двигаться и не смей оборачиваться. Молодой господин хочет задать тебе вопрос. Если хоть слово соврёшь — сегодня же лишу тебя жизни!

Голос был чистым, как колотый лёд.

Это был Бай Лушэн.

6. Светильня

У товарища Бай Лушэна, похоже, была особая страсть к ножницам — чуть что, он сразу хватался за них. Цзинь Шиань понял, что слишком мало знал людей: он видел в нём только плаксивую красавицу, но не заметил, что тот склонен к болезненной одержимости.

Сейчас от образа нежной красавицы не осталось и следа. Генеральный директор Цзинь не оборачивался, но чувствовал исходящую от него убийственную ауру. В детстве его похищали, поэтому он не растерялся. Он накрыл ножницы рукой:

— Брат, давай поговорим спокойно. Что ты делаешь?

Вчера я взял тебя за руку, и ты смутился, а сегодня ты уже мой рот зажимаешь!

Неплохой косвенный поцелуй в руку, а?

Бай Лушэн с ножницами в руках, хоть и был слаб, говорил твёрдо:

— Я уважал тебя как мужчину, но давай говорить начистоту. Я спрошу тебя только один раз: кто ты такой?

Цзинь Шиань только и ждал этого вопроса.

Спросив себя честно, генеральный директор Цзинь подумал, что этот молодой господин Бай по-своему очень хорош. Такой ясный и прямой разговор — просто бальзам на душу. Последние два дня его оглушали бесконечными «господин» и «молодой господин», и он всё время чувствовал какой-то дискомфорт. Словно король с ослиными ушами, который очень хотел найти дупло, чтобы выкрикнуть свою тайну. Бай Лушэн прямо спросил его в лоб, и хотя Цзинь Шиань от испуга поджался, в душе он почувствовал огромное облегчение.

Он знал, что у него лишь мелкая смекалка, поэтому ему нравилось дружить с по-настоящему умными людьми.

По спине у него медленно разливался горячий пот. Он опустил глаза — и чуть не рассмеялся. Ножницы были всё те же: маленькие серебряные ножницы для обрезки цветов, а белая рука Лушэна сжимала их за округлую серебряную ручку, приставляя к его шее.

Он попробовал пошевелиться:

— Слушай, братан, ты думаешь, что с твоим-то телом сможешь меня завалить этими ножницами?

Ножницы мгновенно перевернулись и упёрлись ему в кадык.

Бай Лушэн холодно усмехнулся:

— Раз ты оказался подделкой, то и я, хоть и пою женские партии, вовсе не девушка! Твой дедушка с пяти лет пошёл в ученики, и сначала тренировался как боевой ампула!

Ладно-ладно, ты дедушка, ты силен, чёрт возьми, настоящий скрытый талант.

Голос у него был как птичья трель, но сейчас в нём звучала убийственная решимость. Генеральный директор Цзинь, стоя на пороге смерти, умудрился разглядеть в этом холодную, изысканную прелесть. Она была даже лучше, чем в его прежнем образе плаксивой красавицы, — как дикая лошадь, которую не объездить, как гордая красавица, которой не добиться. Бай Лушэн был слишком интересным человеком, на нём было навешано столько ярлыков, которые так и тянули его пощупать. Будь он женщиной, Цзинь, возможно, немедленно начал бы за ним ухаживать. Но сейчас явно было не время для глупостей, и, когда жизнь на волоске, нельзя шутить про гомосексуализм. Он послушно поднял руки:

— Давай поговорим спокойно, поговорим спокойно. Я не двигаюсь.

Он решил, что нельзя показывать слишком большую слабость, иначе отвечать на все вопросы,

как нашкодивший мальчишка, будет совсем стыдно. Поэтому он пошёл в обход:

— Ты спрашиваешь, кто я. А как ты думаешь, кто я должен быть?

Лушэн сжал ножницы:

— Я не знаю, кто ты, но я знаю, что ты точно какой-то самозванец!

— Доказательства?

— Доказательства? Да ты весь с ног до головы — одно сплошное доказательство.

Оказывается, прошлой ночью, когда Цзинь Шиань навестил Лушэна, после нескольких фраз тот почувствовал неладное. Сначала он подумал, что, возможно, господин действительно к нему равнодушен и забыл обо всём, кроме его дел, и тогда он решил проверить его, задав несколько личных вопросов, известных только им двоим.

И проверка сразу выявила истину.

— Господин всегда пил только «Хоукуй», «Иньхао» я любил, а пуэр он вообще презирал и в рот не брал. Простой ночью я сказал, что ты любишь белый чай, и велел тебе заменить его на пуэр. Что ты ответил? Ты сказал: «Понял!»

Это действительно знали только они вдвоём. В ранние годы Лушэн капризничал и просил господина Цзиня попробовать с ним белый чай. Просил несколько раз, чуть не поссорились, но господин Цзинь так ни разу и не уступил. Потом, когда они пили чай, господин Цзинь мягко говорил, что у каждого свой вкус и не нужно никого заставлять. Это была их общая боль, о которой никто не мог знать.

Лушэн холодно усмехнулся:

— Видно, что Чжоу Юй и тётя Лю тоже с тобой заодно. Про белый чай они могли не знать, но пуэр они уж точно должны были заметить.

Это первое. А второе: в комнате господина Цзиня никогда не ставили ароматные цветы — ни нарциссы, ни зимний жасмин, ни гардении, ни османтус, ничто подобное. Только благородные сливы, орхидеи, бамбук и хризантемы.

Лушэн сказал:

— Это было моё распоряжение, и почему — никто из слуг не знал. Все свежие цветы, которые ставили в комнате, я приказывал, а он никогда этим не занимался. Так было много лет, разве служанки посмели бы лениться? Простой ночью я велел тебе самому распорядиться поставить ветку османтуса, и если бы служанки это услышали, они бы со смеху померли! И что ты мне ответил? Ты сказал: «Понял!»

— ...

Каждое слово было верным, каждая улика — железной. Генеральный директор Цзинь промолчал. Он внутренне восхищался проницательностью Бай Лушэна: тот раскусил такой хитроумный заговор, кольцо за кольцом, даже не читая подсказок, и мгновенно нанёс удар. И в то же время он подумал, что эти изнеженные мальчишки, чёрт бы их побрал, такие привередливые — чай и цветы у них тоже превращаются в какую-то дурацкую науку!

Оставьте же хоть какую-то лазейку для простых мужиков!

— В эти дни Чжоу Юй держал меня взаперти, ни на шаг не давал выйти. Мне было только странно: я ранил господина, почему же мне не дают на него взглянуть? Только прошлой ночью я всё понял: они подменили его, нашли похожего негодяя, подсунули подделку. Даже у Конфуция был двойник Ян Ху — за полмесяца, имея деньги, найти похожего человека нетрудно. — Говоря это, он постепенно ослабил хватку. — Дядюшка Чжоу обычно человек робкий, честно говоря, мне трудно было поверить, что он способен на такое. Но если бы господин умер, боюсь, весь двор, все от мала до велика, были бы отправлены на смерть вместе с ним. На грани жизни и смерти он мог пойти на всё. Только я вижу, что он слишком торопился. Если уж подсовывать жемчужину, то надо было найти рыбный глаз, а не такого проходимца, как ты, который так и норовит схватить! Не говоря уже о твоих манерах — не похож ты на благородного отпрыска. Даже взглянуть на тебя — вороватый взгляд, ты и доброго человека не сыграешь. Что ты можешь сказать в своё оправдание?

Эта логика была безупречна, наблюдательность — на высшем уровне. Цзинь Шианю хотелось встать и зааплодировать. Он вспомнил, как прошлой ночью Бай Лушэн выглядел робким и слабым, а оказывается, тот просто притворялся, играл роль. И как же он играл! Народный артист — он и есть народный артист, мастерство высочайшего класса, чёрт возьми, настоящий гений!

Он незаметно повернул шею, прикинув на глаз положение Бай Лушэна. И невнятно пробормотал:

— Ладно, ладно, считай, что ты всё правильно сказал. Но если я такой поддельный, как же мой дедушка меня не раскусил?

Лушэн, казалось, разозлился:

— Дедушка болен и встревожен, он боится, что господин не выживет, поэтому, конечно, не мог отличить. Не то что я...

Он не договорил, как Цзинь Шиань резко перевернулся. Ножницы лишь слегка оцарапали ему шею, оставив неглубокий след. Что значат такие царапины? Генеральный директор Цзинь, не говоря ни слова, схватил его за плечо. Бай Лушэн тоже не растерялся — направил ножницы ему в горло. Цзинь Шиань подумал: «А он действительно обучен». Но какой в этом толк? Он перехватил его руки и, пользуясь моментом, обхватил молодого господина Бай.

Ножницы взлетели в воздух и с глухим стуком упали на пол.

— Не то что? Не то что ты, молодой господин Бай, влюблён по уши, готов умереть, и у тебя есть целая куча улик, да? — Генеральный директор Цзинь мерзко усмехнулся и отшвырнул ножницы подальше. — Кричи, зови дядюшку Чжоу и тётю Лю, пусть спасают тебя.

Бай Лушэн не ожидал такого внезапного нападения. Он был почти ошеломлён, пытался вырваться, но не мог, хотел закричать, но голос не шёл. Когда он пришёл, он боялся, что у этого негодяя есть сообщники, поэтому под каким-то предлогом отослал тётю Лю и Чжоу Юя, чтобы остаться наедине и допросить его. Но не думал, что тот окажется таким проворным и схватит его так, что он не сможет пошевелиться. Теперь его руки были в чужих руках, а талия — в чужих объятиях. Лицо его мгновенно залилось краской.

Выходит, все эти приёмы боевого амплуа — всего лишь показуха. У молодого господина Бая явно не хватало практического опыта в драках.

Генеральный директор Цзинь, когда учился в Австралии, ничего толком не освоил — даже английский не выучил, — зато вольную борьбу натренировал отлично. Это тело было повреждено и не очень слушалось, но для того, чтобы справиться с такой неженкой, как Линь Дайюй, его было более чем достаточно.

Он обнимал красавца и чувствовал себя победителем:

— Такой умный, а как же ты так облажался? Знал, что я негодяй, и пришёл сюда сам, с таким хлипким телом? — Он вдохнул аромат от воротника Лушэна. — Какой же ты ароматный!

Прошлой ночью, когда он был в Паучьей пещере, он думал, что в комнате стоит какой-то изысканный аромат для мальчиков, но теперь, когда их тела соприкоснулись, он понял, что это был естественный запах самого Лушэна — едва уловимый, спокойный, как орхидея, очень приятный.

После того как его столько времени продержали под ножницами, просто нельзя было не подколоть.

Лушэн в ярости выругался:

— Бесстыдник!

— Ай, верно сказал. Я могу сделать и кое-что похуже. Хочешь попробовать, дедушка Бай?

Лушэн одновременно рассердился и смутился, уши его покраснели. Он закусил губу и больше не говорил ни слова, а потом вдруг опустил голову и бросился к стене.

Цзинь Шиань едва успел перехватить его, ослабил хватку на талии, но крепко держал его за

руки, не давая царапаться, словно поймал кошку и поднял её лапки вверх.

— Ну-ну, хороший, не шали. — Цзинь Шиань засмеялся. — Я отвечу на твой вопрос. Давай поговорим спокойно, не надо царапаться.

Молодой господин Бай долго не мог успокоиться. Генеральный директор Цзинь с интересом наблюдал, как тот сдерживает слёзы, и при этом ещё угрожал:

— Ещё дёрнешься — я тебя... ну, ты понял. Если есть смелость, зови дядюшку Чжоу, посмотрим, он тебе поможет или мне.

Ты сам сказал — Чжоу Юй с тобой заодно.

Молодой господин Бай временно притих, но на лице его было написано непреклонное целомудрие, и он всё ещё как будто хотел разбить голову об стену.

Цзинь Шиань немного разжал пальцы:

— Шучу. Всё не так плохо, как ты думаешь. Не зря Цуйэр говорила, что у тебя много подозрений. Ты действительно слишком подозрителен. — Итак, зачем ты пришёл ко мне? Хочешь убить? Или отвести в полицию?

Лушэн поднял заплаканные глаза:

— Я хочу знать, жив ли господин или мёртв. Если он умер, я последую за ним.

— Правда? — Цзинь Шиань посмотрел на него. — Если бы это было правдой, ты бы не сидел здесь и не задавал вопросы.

Лушэн опешил от этих слов.

Цзинь Шиань совсем отпустил его руки:

— Я не буду тебя бить, и ты меня не бей. Успокойся, ладно? — Он указал наружу. — За вторыми воротами люди. Я скажу тебе правду: дядюшка Чжоу и тётя Лю со мной не сговаривались. Если ты их позовёшь, они обязательно придут тебя спасать.

Он не знал, что Лушэн уже давно отослал управляющих, и не знал, что служанки днём получили нагоняй от тёти Лю. Он просто удивлялся, почему до сих пор никто не сунул нос.

Лушэн переводил взгляд снаружи на него, потом снова наружу и наконец не двинулся с места.

Цзинь Шиань и сам не знал, почему вдруг вспомнил прошлое.

Это было ещё в восьмом классе. В школе была очень красивая старшеклассница, она училась в выпускном классе. Многие хотели за ней приударить, и Цзинь Шиань тоже считал её довольно милой. Была только одна проблема: возможно, у красивых девушек всегда много слухов, и в школе поговаривали, что она живёт с богатым любовником, что она содержанка богатого босса.

В тот день, когда он возвращался домой на летние каникулы, отец не приехал за ним. Он сам поехал с друзьями на мотоцикле и вдруг на углу улицы увидел, как старшеклассница садится в машину.

Номер на машине был от компании его отца.

Цзинь Шиань подумал, что, возможно, она как-то связана с его семьёй, и, погорячившись, поехал за ней на мотоцикле один. Кто же знал, что у входа в гостиницу он увидит, как его отец выходит из машины и берёт её за руку, а потом, видимо, не в силах терпеть, хватается её за задницу.

Цзинь Шиань до сих пор помнил ту двусмысленную улыбку, с которой она оглянулась на его отца.

Он несколько раз следил за ними на мотоцикле, а потом ворвался в кабинет отца и спросил, есть ли у него любовница, встречается ли он с другими женщинами. На самом деле он уже сделал фотографии, все доказательства были налицо, спрашивать или нет — было одно и то же. Но он хотел спросить его, хотел услышать, как тот хоть раз лично откажется перед сыном, скажет, что не изменял жене и детям.

Отец ничего не сказал, дал ему десять тысяч юаней и велел купить игровую приставку.

Тогда он понял одну вещь.

— Люди устроены так: чем сильнее они не хотят во что-то верить, тем отчаяннее они об этом спрашивают. На самом деле они уже знают ответ, но спрашивают, чтобы кто-нибудь их обманул. — Он посмотрел на Бай Лушэна. — Если бы ты хотел меня убить, ты бы сделал это, пока я спал. У меня столько проколов, ты мог бы пойти и рассказать всё дедушке. Но ты не сделал ни того, ни другого.

Он наклонился, заглядывая Лушэну в лицо:

— Ты схватил ножницы и устроил этот спектакль только для того, чтобы я тебя обманул. Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что я и есть господин, просто многое не помню, поэтому ответил неправильно. Верно?

Эти слова попали прямо в сердце Бай Лушэна.

Цзинь Шиань обычно был грубоват в житейских делах и не любил вникать, но сейчас он просто поставил себя на место другого. А нет ничего более трогательного, чем искреннее сопереживание.

Глаза Лушэна постепенно потускнели. Тысячи ужасных мыслей роились в его голове, и с каждым мгновением отчаяние становилось всё глубже. Но пока собеседник не сказал этого прямо, он ещё держался, хотя сердце его уже было разбито вдребезги.

Цзинь Шиань склонил голову набок:

— Мне просто любопытно: какая именно фраза прошлой ночью показалась тебе подозрительной?

Лушэн на мгновение застыл и мрачно выпалил:

— Он не стал бы вытирать мне слёзы.

Цзинь Шиань на мгновение потерял дар речи и тоже почувствовал горечь на душе.

— Насколько же низко нужно любить человека, чтобы заметить такую деталь?

Лушэн помолчал, и слёзы медленно потекли по его лицу:

— Мои слёзы ему давно надоели.

Много лет спустя он видел Бай Лушэна ещё более красивым, более ярким, даже более соблазнительным, но нельзя отрицать, что в ту ночь, когда Лушэн вдруг заплакал при свете лампы, это взволновало его душу, как весенняя вода.

Он не рыдал в голос, даже слёзы сдерживал, едва не падая. Свет лампы мерцал на его лице, то ярко, то тускло, и тревога с усталостью придавали ему хрупкую, трогательную красоту.

Мужчины всегда легко проникаются жалостью к прекрасным и хрупким вещам.

— Ну вот, теперь я даже не знаю, что сказать. Если скажу, ты точно разочаруешься. — Он снова протянул руку и вытер ему слёзы. — Я действительно не твой господин. Но всё не так, как ты думаешь.

<http://bllate.org/book/19790/1950112>